

**Мыслеворот.
Стихи (сборник
первый)**

Оллард Бибер

Оллард Бибер
Мыслеворот. Стихи
(сборник первый)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70046383

SelfPub; 2023

Аннотация

Стихи, написанные автором в разное время в течение жизни в Германии. Мысли о жизни, времени, судьбе.

Оллард Бибер

Мыслеворот. Стихи

(сборник первый)

Река

Мой взгляд скользит по водной глади:

Он мерит ширь -вперед, назад-

Реки, что мне несет отраду,

А сердцу – непривычный лад.

Мой взгляд рассеян, нетревожен,

Не возбуждает сонный ум.

Тот дремлет словно заморожен,

Его не будят крик и шум.

Река несет, а взгляд встречает

Все, что удалось ей пленить:

То пень гнилой в волну ныряет,

То древа сук за ним скользит.

Столкнулся взгляд с баржой невольно,

Когда возникла вдалеке.

Она – нет спору – добровольно

В свой путь пустилась по реке.

Баржа́ растёт, и гул все ближе,
Все четче надпись на корме.
Читает взгляд слова чужие,
Хоть и понятные вполне.

Взгляд дал сигнал – очнулся мозг.
Вдруг встрепенулся. Вспоминая,
Слова тревожно произнес:
Ты, брат, забыл – река чужая.

А что ж своя? Она была.
В других местах, в иное время
Мимо меня она текла,
И было вокруг другое племя.

Я в ней тонул, но бог хранил.
Иной назначил жребий:
Продолжить мне он разрешил
Карабкаться на жизни гребень.

И снова сердце защипало,
Виня меня во всех грехах.
И вновь на ухо зашептало
Слова о чуждых берегах.

И тут же ум спешит, вооруженный
Железной логикой своей.
Разумной мощью опьяненный,
Плетет он смыслы помудрей.

Он сердцу говорит: как мило,
Своя, чужая... – надуманный догмат...
Текут все реки в океан единый,
И все ему принадлежат.

А океан тот разлит в чаши,
Открытые в Земле большой,
Она ж, став колыбелью нашей,
Вселенной предназначена одной.

Нас вытолкнула в мир Земля,
В нее ж вернемся после смерти,
Крупницы из того не сохраняя,
Чем обладали в жизни круговерти.

Не принадлежит нам здесь ничто,
Мы сами принадлежность мира-
Так что понятие «свое»
Не более реально, чем химера.

Уж если так тебе мила утеха,
Что чем-то обладаешь ты,
Сей термин можешь без огреха
Распространить на галстук иль портки.

Вот эти точно свои в доску.
Для них ты главный атаман:
Их можешь положить на полку
Иль даже спрятать в чемодан.

Угомонилось мое сердце постепенно.
Наглядно вразумленное умом
Вновь юркнуло в нору смиренно,
Чтобы восстать когда-нибудь потом.

Взгляд мирно заскользил по глади,
Все новые картины поглощая.
Но кто-то непокорный шепчет сзади:
А все-таки река чужая.

Разочарование

Напрягся мозг в отчаянной попытке
Доселе неизвестный смысл родить.
На то решился он, скорее, по привычке,
Просто забыв, что этому не быть.

И как тому случиться? Лишь простые
Он в прежней жизни мысли источал.
И что же изменилось ныне?
О мозг, ты разве лучше стал?

В тебя я верил, ожидая,
Что зрелый впереди твой плод,
Порой легонько укоряя,
Всегда считал – ты мой оплот.

Теперь, когда ты к угасанию
Уж ближе, чем к истоку дней,
Я понял тщету упований
На мощь твою в главе моей.

Кого теперь винить, не знаю.
Родителей или творца?
Себя ли в лености без края,
Не давшей силы мудреца?

Забился мозг в тупых усилиях
Задачу сложную решить.
Спешит к подсказок изобилию,
Что сердце может предложить.

Извечный спор ума и сердца

Решился просто, как всегда.
И смысла приоткрылась дверца,
И логика его не от ума.

Сказало мозгу сердце: ты в горячке,
А может, просто не в себе.
А в общем, ты еще в порядке -
Родил же мысль прийти ко мне.

Мой друг, мы оба смертны,
А разница меж нами в том:
Я жить еще могу, когда ты почти мертвый,
С моею смертью – оба мы ничто.

Скажу тебе, мне будет больно,
Когда ты свой испустишь сок,
Ведь без тебя, друг мой, невольно
Хозяин больше наш никто.

Пока еще рассудок брезжит,
Совет даю: молись о том,
Чтоб я остановилось прежде,
А ты уж вслед за мной потом.

Мысль
Всегда мне была интересна

–Равно непостижима- мысль о том,
Как сама мысль –так странно и чудесно–
Приходит в голову. Каким путем?

Как искрометная она,
Родившись в плоти мозга,
В сознании разогнав туман,
Вдруг испускает громкий возглас?

Тот возглас радости небесной
–Из Древней Греции привет–
С тех пор сопровождает тесно
Прозрений разума расцвет.

Как странно иногда ее явление:
Вот не было совсем и вдруг
Ворвется словно озаренье,
Все увлекая в дивный круг.

А вот иначе бывает иногда:
Пчелиный в голове кружится рой,
А выбрать нечего оттуда:
Какую ни возьми – все смысл пустой.

Они бегут неутомимо,
Неведом бега алгоритм.

Рождение их непрерывимо
И не подвластен его ритм.

Живет нередкий индивид с надеждой,
На мощь рассудка полагаясь,
Как Архимед, вскричать однажды
«Эв-ри-ка!», от счастья заикаясь.

Мне выпало родиться в двадцатом веке...
Мне выпало родиться в двадцатом веке
Во время без названия, когда уже
Войн и революций минуло лихолетье,
Забрав с собой достойнейших мужей.

Во время то мы жили, озираясь
На несколько десятков лет -
Ближайших тех, что за спиной остались
И ныне льют на нас свой мнимый свет.

По тем годам нас всех ровняли,
По ним и мы держали строй,
И только их мы изучали,
Как будто нет у вечности других времен.

Когда ж тех лет энергия иссякла,
Растратив в наших днях задор,

Эпоха наша обрела характер,
Позднее названный «застой».

Мне повезло родиться в середине века,
Что шанс давало следующий застать,
А заодно конец тысячелетья,
О чем мечтали так отец и мать.

Им не пришлось – то божья воля -
Хотя б одной ногой черту переступить,
И в двадцать первый век вошел один я,
Чтоб мечты прошлые в реальность воплотить.

В то время повезло родиться,
Что смерть тирана я застал -
Та смерть позволила открыться
Всем, кто плакал тихо иль громко проклинал.

Под стол пешком ходил тогда я,
Но в память врезался тот день,
Когда, совсем не понимая,
На мать всплакнувшую глядел.

Чрез много лет я вспомнил это
И великодушно допускал,
Что под тем портретом

Не с горя плакала она.

Ведь не могла же дочь врага народа
До слез печалиться о том,
Кто присвоил право Бога,
Чтобы любого объявить врагом.

В то время повезло родиться,
Что крах утопий довелось узреть,
Когда одним пришлось переродиться,
Иным же – даже умереть.

Пришлось с досадой убедиться,
Что так же сложно – как ни вертись –
Во всемирный рынок влиться,
Как и построить развитый социализм.

Мне неожиданно не повезло: пришлось увидеть,
Как двадцать первый, взяв разбег,
Быстро скукожился – пожалуй, не предвидел,
Что будет нелегко сменить проект.

И снова годы те идейным пудом давят,
И веет от них прежним злом.
Меня все это в тупик ставит,
Вычеркивая – в стихе – все «повезло».

Теперь не вразумею, как ни бился,
Как время мне мое судить -
В двадцатом веке все же я родился,
И с этим надо до конца прожить.

Во всем виноват дождь
Дождь перестал, и блики солнца
На водной ряби снова заиграли.
В кленовой кроне просверлив оконца,
На скамью влажную лучи горячие упали.

Поднялся пар и очень скоро
С нагретым воздухом смешался.
Скамейка сделалась сухой,
Как будто дождь не начинался.

Мы вышли из-под кроны клена
И снова молча опустились
На доски, теплые от солнца,
Где так удобно до дождя ютились.

Я бросил ногу за ногу – потертая
Коленка джинсов натянулась:
На ней, вовсю усердствуя,
Букашка мелкая резвилась.

– Смотри-ка, – друг воскликнул мой.
– Откуда взялась бедолага?
Не уничтожил дождь ее,
И ветер не унес беднягу.-

Ладонью я ее прижал,
Хотел узнать природу твари,
Но видно, сил не рассчитал –
Ушел в небытие мой «комарик».

Воскликнул друг: вот незадача!
Растер букашку ты, как вошь.
А я сказал: было бы иначе,
Кабы не злополучный дождь.

Он на меня взглянул в сомненьи,
Что понял мыслей цепь мою.
И я пустился в объясненья
Без веры твердой в логику свою:

Скамейка эта местом стала
– Вот есть же божья благодать –
Куда букашка пред дождем попала,
Чтоб там его тихонько скоротать.

Когда ж вновь солнце разъярилось,
Продолжила свой путь мирской,
На влажную траву однако натолкнулась
И в ожиданьи замерла с тоской.

Но тут возник сухой ботинок –
На счастье, он ее не раздавил.
Так новый путь ей был подкинут,
Ее к движенью побудил.

И радостно она заторопилась
По ткани джинсов незнакомой,
Но видно, не судьба ей была...
Чего уж там – ты видел остальное...

Мы снова замолчали на скамейке
– Пара букашек в огромном мире –
В попытках новых сконструировать «ремейки»
Из вечного – про следствие и про причину.

Луч солнца беспощадно глаз слепил,
И от жары совсем мы обалдели.
Пред нами воды Рейн катил,
И мы, прищурясь, на него глядели.

Все та же мысль мой разум жжет...

Все та же мысль мой разум жжет...
Стесняясь показаться детской,
Она чуть слышно голос подает
И тотчас затихает резко.

А собственно, что ей рядиться?
Лишь по форме нелепой кажется она –
По существу ж вполне годится
И даже, может быть, важна.

Земля вокруг Звезды вертится
И, как волчок, вокруг оси своей,
Но мысль моя не тяготится
Непониманием природы сей.

Иной аспект ее питает
Из сложного планеты бытия:
А как планета понимает?
Иль нету в ней сознания?

А если есть, не знать не может
Планета об особенностях той,
Что издавна поверхность ее топчет
Хомо Сапиенс, а проще – род людской.

Не только топчет, но и ковыряет

Ее подкожный жирный слой -
Сомнению он не подвергает
Наличие права на разбой.

Себя он мнит, без спору, всемогущим,
Хотя смирив гордыню, иногда
Он допускает благодушно,
Что **Некто** «мощь» его создал.

Разбой тот просто он толкует:
Что ж – каждый должен есть и пить.
Беда одна: сколь «хомо» ни добудет,
Никак не может поделить.

Так же, как в лета эпох иных,
Снуют оравы по планете бойко
И убивают походя себе подобных,
Как волк не убивает волка.

И все страшней оружие смерти,
К оголтелым попавшее ордам,
Способное кромсать живые плоти
И расколоть планету пополам.

НИЧЕГО все обращенья к Богу
Не принесли – Бог не вмешался.

Ведь он давно дал «хомо» волю
И на нее, пожалуй, полагался.

Переборщил творец с размером
Свободы воли, данной твари.
Она ж не справилась с соблазном
И продолжает жить словно в угаре.

Здесь мысль моя в предположеньи,
Что нечто тайное планета знает,
С известной долей раздраженья,
Пусть и по-детски, вопрошает:

По силам ли самой планете
Вмешаться в кавардак людской,
На что так и не смогли ответить
«Ни бог, ни царь и ни герой»?

Что стóбит так ей встрепенуться,
Чтоб вздрогнул род людской слегка-
Как лошадь может огрызнуться,
Неловкого желая сбросить седока.

Но в воздухе вопрос повис бессильно.
И я в бессилии замолчал в тиши.
Лишь в голове возникло инфантильное:

Вот бы «хомо» приставки «сапиенс» лишить.

Вот так смешно пар выпустил и сник,
Подумав обо всех вдруг человеках,
О том, что я один из них
И, может быть, переборщил в наветах.

Утро эмигранта
Раскрыл глаза и прямо над собой
Увидел серо-белый потолок.
Светильничек совсем простой-
На блеклом фоне островок.

Вполне обычное виденье
Утра обычного вполне.
И радость первая от пробужденья,
Что в комнате проснулся, а не вне.

(Ведь в прошлой жизни так случилось,
Что за полночь раскрытые глаза
Лишь свет ушедших звезд встречали...
Да ладно уж... вернемся к потолкам.)

Потом мозг долго размышляет:
Здесь варианты очень разные.
Такие потолки в любых местах бывают,

Включая самые пикантные.

В больнице, вырезвители, в роддоме,
В казарме, в помещении для вахты,
В столовой, в сумасшедшем доме
И даже у солдат на гауптвахте.

Я это быстро перебрал
В уме, с утра еще не оживленном,
Но помнящем, что в месте засыпал,
В тот список не включенном.

Испуганно метнулась голова
За шей, повернувшейся до хруста,
А взгляд по стенке побежал,
Еще приметы отыскивая шустро.

Но незатейливый узор обоев
Не добавляет мыслей на вертел –
Лишь строки-признаки запоев
Певца в мозгу, что про обои пел¹⁾.

Но вот она! Сквозь мутность взора
Ее в который раз узнал.
С массивной деревянную опорой,
Рождает в мозге правильный сигнал.

Все, баста – я проснулся.
С видением настольной лампы той
Я в мир последних лет вернулся,
Который все равно чужой.

Ее купил я на блошином рынке.
Теперь, словно маяк морской,
Она мне по утрам тропинка,
С которой – ступаю в день очередной.

Уж пять лет не проходит ощущение,
Что в длительной командировке я
Без всяких отношений и общений,
И командировочного предписания.

Но все равно иду послушно,
На ноги тапки натянув.
И бреюсь, фыркаю под душем,
Себя пытаюсь обмануть.

И выхожу из дома, дверь толкнув тугую.
Шаг ускоряю, засопев,
Но вспоминаю – это все впустую –
И замираю, остолбенев.

Стою, молчу, бездумно озираясь
Среди спешащего вокруг народа,
Кроме себя ни на кого не обижаясь
В Германии две тысячи шестого года.

1) Имеются в виду строки В. Высоцкого: «Ой, где был я
вчера – не найду, хоть убей. Только помню, что стены с обо-
ями...».

Пишу я в стол стихи мои...
Пишу я в стол стихи мои,
(Как много лет звучит фигура речи.)
Сохранность их в ближайшем бытии
Также компьютер может обеспечить.

Смешавшись, пролежат они
– На биты с байтами разбиты –
С другими файлами, в тени
Которых будут позабыты.

Опять же – «Рукописи не горят...».
Сказал один великий мастер.
Так, может, лучше все подряд
В реальный стол и баста?

(Недавно опыт я провел:

Стих на листке бумажном
Над пламенем свечи повел –
Он вспыхнул и сгорел отважно.)

Напрасно обнадежил мастер –
В его предположеньи смелом,
Наверное, другой характер
Строк вечных полагался в целом.

Но и компьютер с его мозгом
Не исключает риск –
Ведь он подвержен вирусным угрозам,
И даже «сгореть» может жесткий диск.

А если сохранностью не задаваться?
Сколь шансы велики вообще,
Что станет внук в столе копаться
Иль щелкать мышкой на столе?

Что в стихе старческого буйства
Для юношей, чтобы не «скисли»?
Лет недопетых строки-чувства?
Иль рвущие мозг строки-мысли?

Как жизнь моя неоднозначна,
Так стиха неясна судьба.

А очень хочется, признаться,
Чтоб кто-то заглянул сюда.

Чертовски мне приятно б было
(Хоть и не узнал бы я о том),
Что кто-то как-то разделил бы
Написанное мною о мирском.

Страдаю, мучаюсь, рифмую,
Бессилен отогнать напасть.
Натуру странную бичую
И продолжаю в стол писать.

Не так сложилась жизнь...
Не так сложилась жизнь,
Чтоб стать публичным...
А ведь что-то в душе тлело.
Сегодня просто неприлично
Солгать, что не болело.

Правда, в публичных
Могут бросить камень...
И трудно будет увернуться.
Да и не всякий сможет парень
От грязи каменной отмыться.

Так что не все так плохо.
Вот, есть какие-то резоны...
А лучше ли, себя любя,
В тени построенных заслонов
Камни швырять в любимого себя?

Мой лоб отчаянно прижат...
Мой лоб отчаянно прижат
К стеклу вагонному, как в детстве.
А мне давно за шестьдесят,
И ночь темна – с стеклом в соседстве.

Не разобрать, что за окном,
Хоть частые огни мелькают.
И в ожидании трепетном,
Как в детстве, сердце замирает.

Вот, может быть, сейчас
В ночи летящий поезд
Куда-то вынесет – и раз...
Увижу град, что детством был построен.

Но колеса все стучат,
Не в силах отыскать то место,
А мне давно за шестьдесят
И за спиною детство.